

14. *Рекомендации* Всесоюзной конференции «Проблема прародины человечества в свете новых археологических и антропологических открытий». 17–23 августа. – Якутск, 1988. – 8 с.
15. Гулд С.Д. В защиту концепции прерывистого изменения // Катастрофы и история Земли. – М., 1986. – С. 21.
16. Грант В. Эволюция организмов. – М., 1980.
17. Пестряков А.П. Эволюционная изменчивость размеров и формы мозгового черепа человека // Хроностратиграфия палеолита Северной, Центральной и Восточной Азии и Америки. – Новосибирск, 1990. – С. 254–255.
18. Зубов А.А. Естественная история древнего человечества // Природа. – 1998. – № 1. – С. 76–87.
19. Майр Э. Человек как биологический вид // Природа. – 1973. – № 12. – С. 39.
20. Алексеев В.П. Возникновение человека и общества // Первобытное общество. – М., 1975а. – С. 52.
21. Алексеев В.П., Периш А.И. История первобытного общества. – М., 1990. – С. 132.
22. Равдоникас В.И. К вопросу о социологической периодизации палеолита в связи с взглядами Маркса и Энгельса на первобытное общество. – Л., 1931. – С. 18–19.
23. Рэфф Р., Кофмен Т. Эмбрионы, гены, эволюция. – М., 1986. – 402 с.
24. Айала Ф. Введение в популяционную и эволюционную генетику. – М., 1984. – С. 187.

Поступила в редакцию 05.08.2013

УДК 394 (=512.157)

Отражение ранних контактов древних тюрков в языке и культуре народа саха

А.И. Гоголев

Рассматриваются вопросы, связанные с ранним этапом в происхождении якутского народа, которого условно определяют термином «формативный» («предшествующий») этап. Проводится попытка выявления истоков этногенеза, когда создавались предпосылки возникновения определенных начальных компонентов будущей этнокультуры. В данном случае речь идет о скифо-сибирском периоде в древней истории Южной Сибири.

Ключевые слова: этногенез, «доэтнический» этап, прототюркский этап, древнетюркское время, скифо-сибирский «звериный стиль», урало-алтайские языки, древнекитайский язык.

The issues associated with the early stage of the origin of the Yakut people, which is conventionally defined with the term «formative» («preceding») stage. The attempt to identify the origins of the ethnogenesis, when the prerequisites for the rise of certain primary components of future ethnic culture is made. In this case we speak about the Scythian-Siberian period in ancient history of Southern Siberia.

Key words: ethnogenesis, «before ethnic» stage, prototurkic stage, ancient turkic time, scythian-siberian «animal style», uralo-altaisky languages, ancient Chinese language.

Происхождение каждого народа протекает во взаимоотношениях разновременных и разнородных процессов. Поэтому в структуре традиционной культуры якутов, известной по материалам XVII–XIX вв., могут быть выделены разные по происхождению и времени сложения историко-генетические слои. С этой точки зрения процесс складывания якутской этнокультуры можно разделить на два этапа – формативный, «доэтнический» (явления субстратные), выявления

истоков этногенеза и реально-исторический, «этнический», в конце которого происходит формирования этноса.

В формативном этапе создавались предпосылки возникновения определенных «стартовых» компонентов будущей этнокультуры. В некоторых случаях предпосылки этногенеза брали свое начало от нескольких культурно-исторических общностей, базировавшихся на отдельных семьях языков.

В частности, истоки этногенеза тюркоязычных народов Сибири, в том числе якутов, уходят своими корнями в общую региональную культуру ранних кочевников Южной Сибири и

ГОГОЛЕВ Анатолий Игнатьевич – д.и.н., проф., вице-президент АН РС (Я), акад. АН РС (Я), р.т. (4112) 49-68-03.

Центральной Азии. Для указанного круга народов, а также условной точкой отсчета их происхождения стала эпоха скифо-сибирского культурного единства (VIII–III вв. до н.э.), фактически продолжавшегося и в последующее гунно-сарматское время (конец III в. до н.э. – V в. н.э.). Условно этот компонент мною было предложено назвать «скифо-гуннским»¹.

Древнетюркская эпоха, ставшая для этих народов единой культурно-языковой основой, в дальнейшем лишь частично была унаследована ими. Это и понятно: в историческом развитии периоды культурного подъема неизбежно сменялись веками затяжного кризиса. В данном случае это привело в дальнейшем к формированию свыше 30 отдельных тюркоязычных народов, процессу, близкому с известным случаем с романскими языками (их носителями) и латынью (римлянами).

Скифо-сибирская эпоха имела кардинальное значение в сложении раннекочевнического мира на евразийских степях в формировании прототюркского субстрата, который своими отдельными мотивами частично сохранился в языке и культуре тюркоязычных народов Сибири, в основном избежавших до XIX в. влияния мировых религий.

В раннескифскую эпоху (VII–V вв. до н.э.) на севере Центральной Азии сформировались два больших этнокультурных ареала – восточный, преимущественно заселенный монголоидами, включавший бассейн Байкала, Восточную, Центральную Монголию (культура плиточных могил) и западный с европеоидным населением, охватывающий Западную Монголию, Алтай, Туву – «культура с каменными набросками»². Эта традиция устанавливалась еще в предшествующее время, в конце III тыс. до н.э. (Афанасьевская археологическая культура) и вплоть до начала I тыс. до н.э. Притом, начиная со II тыс. до н.э. здесь жили индоиранские племена. По материалам антропологов, население Западной Монголии и Южной Сибири проявляло близость со скотоводческими ираноязычными племенами Восточного Туркестана, Памира и в целом Средней Азии (западными районами Центральной Азии).

Таким образом, протоиндоиранские племена, по всей видимости, начали проникать на юг Сибири где-то с рубежа III–II тыс. до н.э. в дальнейшем с VIII–VII вв. до н.э. в Туве начинается раннескифское время – алдыбельская культура, сходная с майэмйским на Алтае и тасмолийскими памятниками Казахстана. В V–III вв. до н.э. в Туве развивается скифский этап, представленный саглынской культурой, которую сопоставляют с пазырыкской на Алтае³.

В Горном Алтае во второй половине I тыс. до н.э. ярко расцветает знаменитая пазырыкская культура, население которой является одним из вероятных ранних компонентов в формировании древнетюркской эпохи и, следовательно, в этногенезе тюркоязычных этносов Алтая. Пазырыкцы идентифицируются с ираноязычными кочевниками Центральной Азии (Западная Монголия и Восточный Казахстан). Это отчасти подтверждается и материалами топонимики Горного Алтая и Верхней Оби, где обнаруживается древний иранский пласт сакского, хотаносакского происхождения. Притом сакские топонимы концентрируются, как выяснено А.М. Малолетко, в районе пазырыкских курганов⁴.

Итак, вышеприведенные данные позволяют еще раз отметить наличие ирано-сакского и тохарского влияния (этнокультурного субстрата) в становлении древнетюркской культуры⁵.

В последнее время отделом урало-алтайских языков Института языкознания РАН в рамках проекта «Типы и хронология языковых контактов: тюркские языки» проводится сравнительное исследование древних контактов пратюркского языка. Его результаты подведены А.В. Дыбо. По ее объяснению, «пратюркский язык – это языковое состояние, существовавшее до хронологически первого разделения тюркского языка, отделение болгарской группы»⁶. На глоттохронологическом дереве это время фиксируется около 100 г. до н.э., т.е. миграцией части сюнну из Западной Монголии на запад, через Северный Синьцзян (север Восточного Туркестана) в Южный Казахстан, Сыр-Дарью в 56 г. до н.э. Поэтому в первую очередь филологи обратили внимание на древнекитайские контакты сюнну. По времени – это эпоха Западной Хань (III в. до н.э. – рубеж нашей эры) или время Восточной Хань (I–III вв. н.э.).

Среди выявленных китайских заимствований в пратюркский язык встречены такие слова, как *altun* «золото»: поздн.-др.-кит. *Doŋ* «медь, латунь, бронза»; *qümül* (e) «серебро»: др.-кит. *Kəmliw* «серебро»; *temür* «железо»: поздн.-др.-кит. *Tiēt-mhwi* «железная вещь»; *vek* «титул»: поздн.-др.-кит. *Pēk* «быть старшим, старейшиной рода»; *cēriq* «войско»: поздн.-др.-кит. *Cjət* «отряд»; *ēiti* «писать»: поздн.-др.-кит. *Pit* «кисть для письма» и др. Сам этот набор заимствованных слов С.А. Старостиным определяется III в. н.э.

А.В. Дыбо приводит 11 возможных восточноиранских заимствований в пратюркский язык, среди которых два термина, связанных с титулатурой: *darkan* и *qayan*.

Судя по полученным глоттохронологическим датировкам, для иранских заимствований в пра-

тюркский является время после распада сакской и аланской ветвей, т.е. примерно 660 г. до н.э. или до распада сакской и пуштунской ветвей (лексикостатистическая датировка 290 г. до н.э.). Любопытно также и то, что основная масса китайских транскрипций из сюннского – это тюркские и восточноиранские по происхождению слова.

Время и место существования тюркского праязыка (т.е. до разделения на булгарскую и общетюркскую ветви) укладываются на территории между Ордосом и Южным Саяно-Алтаем в начале I тыс.н.э., что и предполагал З.Р. Тенишев.

Итак, исследователи давно уже высказали идею преемственности многих черт древних тюрков от предшествующего скифо-сибирского этапа⁷. Эта преемственность проявляется в хозяйстве, культуре древних тюрков и связанных с ними современных тюркоязычных народов Южной Сибири⁸. Она проявляется и в традиционной культуре якутов. Например, в способе доения кобыл с применением костяных трубочек, описанном еще Геродотом у скифов; в качестве намордников у них и у народов Саяно-Алтая и якутов используются специальные дощечки с острыми зубчатыми концами, подвязываемые на мордочки телят. Все эти навыки, выработанные в период раннего кочевничества, до недавнего времени сохранялись у якутов.

В хозяйстве пазырыкцев Горного Алтая, саглынцева Тувы для шитья применялись сухожильные нити и конский волос, свивали арканы и веревки; изготавливались кожаные переметные сумы, пользовались мягкой кожаной обувью. Эти вещи, конечно, в основном имеют типологическое происхождение, характерное для скотоводческого хозяйства. Но в материальной культуре населения Горного Алтая в рассматриваемое время имеются предметы, которые в дальнейшем сохранились только у якутов. К ним относят провололочные серьги в виде знака вопроса. Женщины древнего Алтая на правое ухо нанизывали по две таких серьги, на левое – по одной. Подобный обычай ношения серег зафиксирован в якутских женских погребениях XVIII в.⁹.

К этой же группе вещей относятся скифские гривны плоской и круглой витой формы, которые встречаются в якутских погребениях XVII–XVIII вв. Они считались атрибутами замужних женщин, знаком их зрелости и в какой-то степени знатности.

Любопытно также мнение акад. А.П. Окладникова о том, что форма скифских котлов определенным образом повлияла на конфигурацию якутских деревянных чоронов-кубков¹⁰.

Древнейшие алтайские истоки прослеживаются в декоративно-прикладном искусстве якутов, по всей видимости, испытавшем влияние «звериного стиля», этого общего достояния скифо-сибирского времени. На это первым обратила внимание У. Йоханзен: «Из всех современных тюркских народов только у якутов повторяются пазырыкские мотивы в орнаментике»¹¹.

Древнеалтайский субстрат отразился в верованиях и мифологии якутов. В первую очередь это можно иллюстрировать в дохристианской погребальной обрядности, т.к. данный комплекс является одним из устойчивых элементов традиционной культуры любого этноса. Именно в силу этого погребальный комплекс донес стабильно-разные представления и обряды. Так, интересные совпадения обнаруживаются в деталях обряда погребения с конем: древние горноалтайцы IV–III вв. до н.э. и якуты XVII–XVIII вв. коней располагали на правом или на левом боку, на животе головой, направленной на запад. Кроме того, определенный интерес представляют конские захоронения саков, обнаруженные на Памире и Семиречье. В них сооружались, как у якутов XVIII вв., две могилы: в одной – человеческое захоронение, а в другой – конское. С методической точки зрения, такие прямые сопоставления возможны только через древнетюркские преломления, так как для них (тюрков и якутов) эти истоки являются общими.

По своим конструктивным особенностям и строительным приемам погребальные сооружения саха близко стоят к погребальным сооружениям Алтая пазырыкского времени¹².

Саки, близкие родственники пазырыкцев, хоронили умерших, ориентированных на запад, в могильной яме прямоугольной формы. «На могиле устанавливали столб – символ «древа жизни»: миниатюрная модель Вселенной, архитектура которого обусловлена космогоническими представлениями его создателей»¹³. С воином хоронили коня или клали уздечку. Во время погребального обряда разводили огонь, устанавливали сосуды с едой. Эти элементы всегда присутствовали в погребениях тюркской эпохи и языческом погребальном обряде якутов¹⁴.

В урочище Алаас Эбэ Кытанахского наслега Чурапчинского района Якутии, где раскопан один из комплексов якутского погребения с конем, около надмогильного сооружения на мысу некогда были выставлены 12 чучел лошадей белой масти. Они казались издали скачущим косяком табуна¹⁵. Это можно сопоставить с теми обычаями, о которых писал Геродот, когда на могилах скифской знати устанавливались чучела умерщвленных лошадей и всадников,

которых привязывали за конец повода к столбам – коновязям¹⁶.

Еще одна интересная особенность прослежена в пазырыкских курганах. Это – меты-надрезы на ушах погребенных лошадей¹⁷. С ними можно сопоставить старинный якутский обычай, по которому обрезки от ушей жеребят «им» нанизывали на веревку. Таких меченых животных не уступали ни на каких условиях, т.к. существовало поверье, что на том свете надо будет ездить на них и они должны быть убиты при погребении своего владельца. Аналогичный обычай зафиксирован у осетин, связь которых со скифами не вызывает сомнения¹⁸.

Религиозно-мифологические представления скифо-сибирской эпохи, как отмечено выше, отразились на мировоззрении древних тюрков и тюркоязычных народов Южной Сибири. У скотоводов Лены влияние индоевропейской мифологии проявляется довольно заметно¹⁹.

Возможно, некоторые якутско-иранские мифологические и культурные параллели можно объяснить типологическими аспектами. Но между тем имеются древние языковые схождения, больше сохранившиеся в религиозных терминах. Якутские слова индоиранского происхождения Е.С. Сидоров почти целиком относит к архаической лексике эпоса и ритуальных песен. Интересно то, что санскритские параллели преимущественно исходят из древнего ведического источника, восходящего к древнейшему индоевропейскому языку. Таких схождений в якутском языке более двухсот основ и корней²⁰.

Приведем некоторые языковые параллели бытового характера: санск. *Sik* – брызгать = як. *сиик* – роса, сырость; санск. *Smie* – моргать = як. *сим*, *симиригнээ* – моргать; санск. *Tosa* – удовлетворение = як. *туһа* – польза; санск. *Akaoi* – глупый = як. *акаары* – глупый, недалекий; санск. *Aias* – неутомимый = як. *айаас* – резвый, необъезженный; санск. *Is* – сок, напиток = як. *ис* – пить, пей; санск. *Yd* – вода, волна = як. *уу* – вода; санск. *Osth* – губа = як. *уос* – губы; санск. *Kathin* – твердый, крепкий = як. *хатан* – крепкий, закаленный; санск. *Kan* – быть довольным = як. *хан* – быть довольным; санск. *Vis* – община, род; як. *биис* – племя; санск. *Dhueni* – корова = як. *тингэһэ* – трехтравая корова и др.

Следует еще раз подчеркнуть преобладание в них религиозных мифологических терминов. В этом плане хорошей иллюстрацией служат, в частности, термины *аар* и *кэрэх*. Так, например, як. *Аар тойон* – высшее божество, творец и верховный правитель мира²¹. Помимо тюркских параллелей имеются и индоиранские соответствия к *аар*. Так, по Э. Бенвенисту, *ar*, *art* в индоевропейских языках означает «порядок», кото-

рому подчинены как устройство мира, движение светил, так и отношения между богами и людьми. Иными словами, все то, что касается человека или Мира, находится во власти «порядка», т.е. религиозная, нравственная основы всего общества, Вселенной. Без этого принципа все вернулось бы к первоначальному хаосу. Начальная семантика якутского *аар* так же, как и в древнеиндоевропейских языках, исходит из понятия «первоначальный порядок», тот порядок, который образовался в результате распада мифологического Первоначального хаоса. Поэтому *Аар тойон* в якутском пантеоне занимает главное место. Это видно также из того, что в I тыс. до н.э. у восточноиранских номадов (скифов = саков) *ar* в форме *ard* уже обозначал понятие «божество». К этому же времени у ведических ариев термин *art* понимался как имя божества высшей упорядочивающей силы.

Иранское *кэрэх*, *карахт* – потерявший чувственность, очолевший (т.е. умерший), отсюда др. тюрк. *Кэргэк болты* – скончался. Якутское *кэрэх* – жертвоприношение скотиной.

Эти материалы частично подтверждаются исследованиями в области генетики, в работах В. Фефеловой, С. Федоровой, Л. Тарской, Б. Пакендорф²². В них говорится об обнаружении древнего европеоидного пласта в этногенезе народа саха. «Учитывая «европеоидность» гаплотипа HLA-AI, В 17, – пишет В. Фефелова, – речь должна идти о европеоидах»²³.

Вышеприведенные данные, в том числе языковые, дают возможность, с одной стороны, еще раз констатировать тот факт, что многие стороны культуры скифского времени Южной Сибири прослеживаются в культуре последующих поколений кочевников-скотоводов и в том числе якутов. Это «дотюркский» южносибирский субстрат в языке и культуре народа саха указывает на самые древние «подпочвенные» истоки, отражающие ее «доэтическое» состояние, когда создавались предпосылки «стартовых» компонентов будущей этнокультуры.

С другой стороны, эта связь якутской культуры со скифо-сибирской эпохой (условно «индоиранской») могла довольно заметно сохраниться благодаря тому, что в этногенезе скотоводов Лены приняли участие какие-то ранние, по всей вероятности, тюркские этногруппы, испытывавшие влияние восточноиранской среды Южной Сибири. В связи с этим уместно привести мнение акад. О.Н. Бетлингга о том, что «ослабление основы, аналогично санскритскому, в высшей степени излюблено в якутском языке»²⁴. А, по мнению В.В. Радлова, первоначально язык якутов принадлежал какому-то неизвестному языку нетюркского происхождения.

Примечания

1. Гоголев А.И. Якуты: проблемы этногенеза и формирование культуры. – Якутск, 1993. – С.13–27.
2. Волков В.В. Уламгинский могильник и некоторые вопросы этнической истории монголов // Роль кочевых народов в цивилизации Центральной Азии. – Улан-Батор, 1974; Савинов Д.Г. Народы Южной Сибири в древнетюркскую эпоху. – Л., 1984. – С.3.
3. Грач А.Д. Древние кочевники в центре Азии. – М., 1980. – С.38,93.
4. Малолетко А.М. Топонимы большеречинского времени в бассейне Верхней Оби // Исторические чтения памяти М.П. Грязнова: тезисы докл. – Омск, 1987. – С.138–140; Он же. Топонимистические свидетельства пребывания саков на Алтае // Проблемы археологии степной Евразии: тезисы докл. Ч.П. – Кемерово, 1987. – С.52–53.
5. Еремеев Д.Е. «Тюрк» – этноним иранского происхождения? (К проблеме этногенеза древних тюрков) // Советская этнография. – 1990. – №3. – С. 129–135.
6. Дыбо А.В. Ранние контакты тюркских народов по данным языка // Адаптация народов и культур к изменениям природной среды, социальным и технологическим трансформациям (к 70-летию Е.А. Тишкова). – М., 2010.
7. Руденко С.И. Горноалтайские находки и скифы. – М.; Л., 1992.
8. Дьяконова В.П. Некоторые палеоэтнографические черты в традиционной культуре тувинцев // Материальная культура народов Сибири и Севера. – Л., 1976. – С. 198–200.
9. Константинов И.В. Материальная культура якутов XVIII века. (По материалам погребений). – Якутск, 1971. С.81; Гоголев А.И. Археологические памятники Якутии позднего средневековья (XIV–XVIII вв.). – Иркутск, 1990.
10. См.: Потапов И.А. – Якутская народная резьба по дереву. – Якутск, 1972. – С.62–63.
11. Iohansen U. Die ornamentik der Iakuten. – Gamburg, 1955. – S.152–153.
12. Бравина Р.И., Попов В.В. Погребально-поминальная обрядность якутов: памятники и традиции (XV–XIX вв.). – Новосибирск, 2008.
13. Кузьмина Е.Е. В стране Кавата и Афратаба. – М., 1977. – С.97–99.
14. Попов В.В., Бравина Р.И. Ритуальные комплексы с конем в Якутии (XV–XX вв.). – Якутск, 2009.
15. Гоголев А.И. Историческая этнография якутов (Вопросы происхождения якутов). – Якутск, 1980. – С.16.
16. Геродот. История. – М., 1972. – С.205.
17. Сорокин С.С. О семантике некоторых археологических памятников ранних кочевников Азии // Проблемы происхождения и этнической истории тюркских народов Сибири. – Томск, 1977. – С.10.
18. Калоев Б.А. Обряд посвящения коня у осетин. – М., 1964. – С.2.
19. Гоголев А.И., Бурцев А.А. Якутское олонхо в контексте мифологии и эпической поэзии народов Евразии. – Якутск, 2012. – С.10–49.
20. Сидоров Е.С. Санскритско-якутские лексические параллели. – Якутск, 1992. – С. 4–21.
21. Пекарский Э.К. Словарь якутского языка. 2-е изд. – Л., 1958. – С.126.
22. См.: Тарская Л.А., Гоголев А.И., Ельчинова Г.И. и др. Этническая геномика якутов (народа саха). Генетические особенности и популяционная история. – М., 2009.
23. Фелелова В.В., Высоцкая Г.С. Изучение распространения антигенов системы HLA у коренных народностей Сибири как основа для анализа этногенеза популяций: препринт ВЦ СО АН СССР. – Красноярск, 1987. – №12. – С.9–11.
24. Бётлингк О.Н. О языке якутов /Пер. с нем. В.И. Рассадина. – Новосибирск, 1989. – С.35.

Поступила в редакцию 22.08.2013

Филология

УДК 821.512

Черты поэтики Н. Лугинова

А.А. Бурцев

Анализируются жанровая специфика, сюжетно-композиционная структура, принципы создания художественного образа в произведениях Н. Лугинова. Автор приходит к выводу, что якутский писатель опирается не только на традиции национальной эстетики, но и на опыт мировой литературы.

Ключевые слова: «центростремительная» композиция, внутренний монолог, «поток сознания», национальный характер, художественная антропология, пантеизм, образная анималистика, поэтика сновидения.

БУРЦЕВ Анатолий Алексеевич – д.ф.н., проф., проректор СВФУ, акад. АН РС(Я).